Шевелев Алексей Лаврентьевич. Часть первая

Время бурных потоков

Суровая юность

В начале первой мировой войны мы осиротели и вынуждены были покинуть Ростов-на-Дону. Переехали в Баку, где уже обосновалась старшая сестра. Город встретил нас удушливым запахом нефти, дымом и копотью нефтеперегонных заводов. С неба неистово палило солнце, горячий ветер гонял по улицам волны пыли. Вот так неприветливо принял нас Баку. Не случайно он назван городом ветров. Восточная экзотика здесь соседствовала с европейской цивилизацией, нефтяные вышки — с древними минаретами, над глинобитными хижинами возвышались прекрасные здания.

Новичков особенно удивлял базар, расположенный в старой нагорной части города. К нему со всех сторон, словно игривые речушки, стекались узкие, извилистые улочки и переулочки, оглашаемые скрипом арб и криками осликов. Крестьяне стремились продать то, в чем они меньше всего испытывали нужду, в основном — виноград и некоторые другие фрукты.

Базар ослеплял пестротой красок, оглушал пронзительными выкриками водоносов, продавцов, расхваливающих свой товар. Нас, ежедневно недоедавших мальчишек, больше всего возбуждали запахи, распространявшиеся со всех сторон. Там возвышались горы фруктов. В другом месте с лотков продавали горячие чуреки, в третьем — жарили на углях знаменитые кавказские шашлыки. Но все это было нам недоступно. Бедняки в лучшем случае могли полакомиться жареными бараньими кишками с картошкой. А те из нас, кто пытался взять хотя бы одно яблоко или грушу, получали увесистые тумаки.

...Три года длится империалистическая война. Город переполнен ранеными. Под госпитали заняты даже многие общественные здания. Мы, школьники, помогаем взрослым оборудовать лазареты, таскаем

койки, тумбочки, табуретки, участвуем в сборах пожертвований для раненых.

В городе ощущается острая нехватка продовольствия. Оскудел и когда-то обильный базар. Цены на все поднимаются ежедневно. Все чаще проводится мобилизация. Нарастает ропот солдаток, оставшихся без мужей-кормильцев с оравой голодных детей. И вот — взрыв! Вспыхнул бабий бунт.

Я хорошо помню, как доведенные до отчаяния женщины громили продовольственные магазины, как бушевали на улицах людские толпы, а воздух сотрясали возгласы: «Хлеба!», «Долой войну!». Разъяренным жандармам и полицейским никак не удавалось усмирить бунтовщиков. Тогда на помощь им были вызваны конные казаки, которые сразу же пустили в ход нагайки. За избиваемых женщин вступились солдаты-новобранцы. Завязалась настоящая битва.

Стихийный взрыв женщин-солдаток был немедленно поддержан организованным выступлением бакинского пролетариата, руководимого большевиками. Забастовали рабочие нефтяных промыслов и нефтеперегонных заводов. Пытаясь хоть немного разрядить обстановку и вызвать у населения патриотические чувства, губернатор, градоначальник и нефтяные тузы пригласили в Баку дядю императора — Николая Николаевича Романова, в прошлом незадачливого Верховного главнокомандующего русской армии. По этому случаю на Николаевской улице города спешно сооружалась так называемая Триумфальная арка, развешивались гирлянды цветов, фонарики и флажки. Учителя разучивали с гимназистами «Боже, царя храни» и «Коль славен».

Но усердие отцов города оказалось напрасным. Царская особа не успела приехать в Баку. Как раз в те дни в России произошла февральская буржуазно-демократическая революция и кровавый самодержец Николай II был свергнут.

На улицах появились толпы ликующих людей с красными флагами. Повсюду возникали митинги. Революционные отряды рабочих и солдат освободили из тюрьмы политических заключенных, разгромили полицейские участки и захватили многие важные пункты города. Мы, мальчишки, тоже находились в гуще событий. Ребята помогали

взрослым вылавливать жандармов и полицейских, прятавшихся на чердаках, в сараях и погребах.

Перед выборами в Бакинский Совет мальчишки активно распространяли листовки с крупной цифрой пять и что есть мочи кричали: «Голосуйте за большевиков!» Но это было небезопасно. Мы частенько получали затрещины от эсеров, меньшевиков, бундовцев, мусаватистов и прочих враждебных элементов, ополчившихся против ленинцев. Никто из нас не прекращал работы, не отказывался от поручений партии.

31 октября 1917 года в Баку была провозглашена Советская власть. Бакинская коммуна явилась апофеозом героизма и самоотверженности верного ленинским идеям рабочего класса Азербайджана.

На митингах мне не раз доводилось слушать выступления Степана Шаумяна, Мешади Азизбекова, Алеши Джапаридзе, Ивана Фиолетова, Мир Гасана Везирова и других легендарных бакинских комиссаров. [9]

Над Баку победно развевалось Красное знамя Великого Октября. Но внутренняя контрреволюция, опираясь на щедрую помощь международного империализма, всячески старалась задушить молодое Советское государство. Зарубежные хищники никак не хотели смириться с тем, что их выбросили из богатейшего нефтяного края.

К Баку устремились турецкие войска, пропущенные грузинскими меньшевиками. Окружив город со всех сторон, они отрезали все пути подвоза и перекрыли Шалларский водопровод. Над блокадным городом нависала угроза пищевого и питьевого голода.

Большевики бросили клич: «Все на защиту завоеваний революции, на защиту Баку и Бакинской коммуны!» Из рабочих спешно комплектовались отряды самообороны. В отражении натиска турецких войск большую роль сыграли красноармейские подразделения, присланные С. М. Кировым из Астрахани. Они располагали даже тяжелыми орудиями.

В эти грозные для революции дни с честью выдержала суровый экзамен и наша юность. Это про наше поколение поется: «Выросли

мы в пламени, в пороховом дыму». Юные добровольцы, в возрасте от тринадцати до шестнадцати лет, организовали вспомогательный отряд. Они помогали красноармейцам прокладывать линии телефонной связи, набивали патронами пулеметные ленты, подносили боеприпасы, выносили с поля боя раненых.

Героически вели себя и бакинские женщины. Особенно запомнилась тетя Даша. Ее называли так даже сорокалетние отцы семейств, а мы, юнцы, тем более. Жаль, что тогда я даже не поинтересовался фамилией героини. Теперь приходится только сожалеть об этом.

Ежедневно перед заходом солнца седая женщина направлялась на передовые позиции с двумя ведрами холодной питьевой воды, которая тогда ценилась буквально на вес золота. Не боясь пуль, тетя Даша неторопливо шла вдоль окопов и утоляла жажду бойцов. Умела она и по-матерински ободрить людей, укрепить у них веру в свои силы.

А вот трусливых тетя Даша не терпела. Помню, как-то шел я вместе с ней в подразделение и нес в руках две коробки с пулеметными лентами. Вдруг она остановилась, опустила на землю ведра и, откинув седую прядь волос, указала рукой на двух парней, которые ушли с передовой и теперь укрывались за массивной кладбищенской плитой.

— И эти червяки называются мужчинами! — гневно воскликнула она. — Позор!

— Не ругайся, мамаша, — сконфуженно пролепетал один из них. — Лучше дай нам попить.

В ответ тетя Даша так презрительно посмотрела, что трусы, как мне показалось, даже съежились. А она рывком подняла тяжелые ведра и пошла дальше с гордо поднятой головой.

Вот и Волчьи ворота, где проходит передний край. Отсюда хорошо просматриваются и занятые противником горы, и зеленая долина с железной дорогой, убегающей в сторону Тифлиса (так назывался тогда Тбилиси).

Защитники Баку очень обрадовались, увидев тетю Дашу. В благодарность за принесенную воду они дали залп по врагу. А вслед

за артиллеристами открыл огонь и пулеметчик, расстреливая только что принесенные мною пулеметные ленты.

Страшно ли было нам, мальчишкам? Пожалуй, что нет. Ведь мы старались во всем походить на фронтовиков. Спортивный руководитель Гржибовский, который одновременно возглавлял вспомогательный юношеский отряд самообороны, выхлопотал у командования несколько комплектов старого солдатского обмундирования. Матери, ворча и поругивая нас, все-таки выстирали его, залатали дыры и сшили нам форменные брюки и гимнастерки.

Гржибовский старался выводить отряд на фронт в периоды относительного затишья или в ближние тылы. Но мы ухитрялись поодиночке бывать на передовых позициях, когда там шла жаркая перестрелка.

В боевой обстановке старались вести себя так, как учили нас бывалые солдаты: при залпах нашей батареи открывали рты, чтобы не оглохнуть, при вражеском обстреле быстро убегали в укрытия. Научились и маскироваться на местности.

В окопах находилось много семейных рабочих-добровольцев. Скучая о детях, они отдавали нам частицу отцовского сердца, встречали нас всегда ласково, старались получше накормить мальчишек.

В дни Бакинской коммуны и героической обороны я работал курьером продовольственного комитета. Возглавлявший его молодой и энергичный комиссар работал не жалея сил и здоровья, твердо насаждал в своем учреждении революционный порядок. А это было не очень просто. Чиновничьи привычки и другие пережитки прошлого частенько проявлялись у некоторых людей. Я не раз слышал, как комиссар решительно обрывал льстецов и подхалимов. Он также изгонял из учреждения бюрократов и грубиянов.

Трудолюбивый и бескорыстный комиссар был педантичен до мелочей. Он получал такой же продовольственный паек, как и другие: мелкие орехи, из которых пекли лепешки, шелуху бобов какао, которую заваривали вместо чая, сахарин и гнилой изюм, сельдь и воблу, кукурузную муку. И все это, разумеется, в очень небольшом количестве.

Зарплата выдавалась обычно в присутствии комиссара, в его кабинете. Первыми получали деньги рядовые работники продкомитета, потом уже руководящие. Последним расписывался в ведомости он сам.

Бакинский пролетариат оборонялся героически. Но в конце июля 1918 года контрреволюционерам и интервентам благодаря огромному превосходству в силах удалось захватить город. Призвав на помощь английские экспедиционные войска, меньшевики и эсеры нанесли революции удар в спину. Эти продажные душонки, выполняя тайное задание империалистических разведок, сделали все для того, чтобы задержать успевших эвакуироваться из Баку 26 большевистских руководителей. По пути в Астрахань, у острова Нарген, пароход «Эвелина» был перехвачен канонерками, а находившиеся на нем комиссары — арестованы. 20 сентября 1918 года интервенты учинили над ними зверскую расправу. Весть об их расстреле с быстротою молнии разнеслась по городу и потрясла всех честных людей.

В памяти народной навсегда остались славные имена бакинских героев: Степана Шаумяна, Мешади Азизбекова, Алеши Джапаридзе, Ивана Фиолетова и других. Позже о них были сложены стихи, поэмы и песни. Вот что писал Сергей Есенин в своей «Балладе о двадцати шести»:

В пески, что как плавленый

Воск,

Свезли их

За Красноводск.

И кто саблей,

Кто пулей в бок,

Всех сложили на желтый

Песок.

26 их было,

26.

Их могилы пескам

Не занесть.

Не забудет никто

Их расстрел

На 207-й

Версте.

Предатели не ушли от возмездия. Их задержали, доставили в Баку и всенародно судили.

Дни кровавых бесчинств интервентов невозможно забыть. Турки, сменившие англичан, за период кратковременного хозяйничания в Баку благословили мусаватистов на организацию трехдневной резни армянского населения, на дикие погромы. Затем в городе снова появились англичане. В своих злодеяниях они, пожалуй, превзошли турецких янычар. Палачи в лайковых перчатках убивали скрытно, всячески заметая следы.

Следуя своей излюбленной тактике «разделяй и властвуй», английские интервенты стремились использовать каждую возможность для того, чтобы вызвать национальные распри среди населения города. Сами они пренебрежительно относились к людям другой национальности, нередко пускали в ход стеки, внушая таким образом «уважение» к подданным его королевского величества.

При содействии мусаватистского марионеточного «правительства» английские оккупанты с ненасытной жадностью разворовывали наше главное национальное богатство — нефть и нефтепродукты. Весь каспийский флот тогда напряженно работал на них, вывозя награбленные ценности.

Но интервентам не удалось обосноваться в Баку. Хозяйничали они недолго. В ночь с 27 на 28 апреля 1920 года пролетариат, руководимый Коммунистической партией, поднял в Баку вооруженное восстание. Действуя смело и решительно, революционные отряды один за другим занимали важнейшие городские объекты.

Свергнув власть мусаватистов, трудящиеся провозгласили создание Азербайджанской Советской Социалистической Республики. Временный ревком во главе с Н. Н. Нариманов обратился по радио за помощью к Совнаркому РСФСР. По указанию В. И. Ленина

восставшим была оказана военная помощь. 11-я армия перешла в наступление и быстро приближалась к Баку. Я помню, как мы были разбужены нарастающей канонадой, как в стане интервентов поднялась паника. Они спешно грузились на корабли и удирали в Энзели. Как ни кичились они своей мощью, а им снова пришлось убираться восвояси с нашей земли.

Первым ворвался в Баку сводный бронеотряд под командованием М. Г. Ефремова, впоследствии прославленного генерала, героя Великой Отечественной войны. Азербайджанская Советская Социалистическая Республика, провозглашенная 28 апреля 1920 года, наградила его орденом Красного Знамени, на котором был выгравирован номер один. Ему вручили золотую саблю с надписью: «Освободителю — герою Азербайджана».

С великой радостью и ликованием встретили трудящиеся Баку воинов 11-й армии. Вместе с первыми частями в освобожденный город прибыли С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, А. И. Микоян и М. К. Левандовский. Советская власть на азербайджанской земле утвердилась навсегда.

Город залечивал раны, набирался сил. Ни хозяйственная разруха, ни голод, ни болезни не сломили волю трудового народа, завоевавшего свободу. Под руководством Коммунистической партии люди трудились с огромным энтузиазмом. Они жили светлой мечтой о великом Завтра.

Секретарем Центральною Комитета Коммунистической партии Азербайджана стал член Реввоенсовета 11-й армии С. М. Киров. Ученик и соратник великого Ленина, пламенный трибун и выдающийся организатор, он поднял и повел рабочие массы на восстановление нефтяной промышленности.

Стране крайне нужно было топливо, а производство нефти у нас пришло в полный упадок. Баку, считавшийся нашим главным нефтяным резервуаром, был разрушен английскими оккупантами. Короли «черного золота» (Нобель, Манташев, Муса Нагиев и другие) в безумной злобе привели в негодность не только промысловое хозяйство, заводы, но и увезли с собой всю техническую и геологоразведочную документацию.

Впоследствии, когда мне довелось работать в нефтеразведке, наши изыскатели обнаружили в районе Чаил-Даг пробуренные еще до революции скважины, которые могли давать нефть с солидным дебитом, но они были законсервированы и тщательно замаскированы. Прежние владельцы нефтепромысла постарались скрыть даже малейшие следы существования нефтяных скважин, надеясь приберечь их до «лучших времен». История вынесла капиталистам суровый и справедливый приговор, единственно законным и полноправным хозяином всех богатств нашей земли стал рабочий класс, весь трудовой народ.

Первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана Сергей Миронович Киров, с жаром отдавшийся созидательной работе, привлек к восстановлению бакинской промышленности крупного специалиста большевика А. Серебровского, который возглавил «Азнефть». Мудрым и смелым укротителем нефтяных и газовых пожаров зарекомендовал себя инженер Г. Мамиконянц, получивший мировую известность. Много их было, подлинных энтузиастов, применявших новые, зачастую дерзкие способы добычи и разведки «черного золота».

Нефтяная промышленность, развивающаяся на социалистической основе, быстро пошла в гору. Коренным образом улучшились и условия труда рабочих-нефтяников.

Но мне памятна и дореволюционная пора. Изможденные, оборванные рабочие трудились, стоя подчас по колено в нефти. Тяжело было желонщикам и бурильщикам, но еще тяжелее — ведерщикам. Они опускались в глубокие колодцы, где наполняли ведра нефтью и подавали их наверх. Случалось, люди задыхались от скопившихся в колодцах ядовитых газов, теряли сознание, а порой и тонули. На промыслах было очень много несчастных случаев. А сколько людей погибло от нефтяных пожаров!

А. М. Горький, дважды побывавший до Октябрьской революции в Баку, вспоминал: «Нефтяные промыслы остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада. Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки устрашенного разума, все попытки проповедников терпения и кротости ужаснуть человека жизнью с чертями, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адовом. Впечатление было ошеломляющим».

Великий пролетарский писатель сравнивал бакинские нефтяные промыслы с грязной сковородкой, «на которой кипели, поджаривались тысячи измученных рабочих людей».

Лишь после того, как могучий ураган Октябрьской революции смел с лица нашей земли всех нобелей, манташевых, нагиевых и других нефтяных королей, труд из подневольного и рабского превратился в дело чести, славы и геройства. Ленинская партия поистине окрылила людей, открыв перед трудящимися широкие горизонты и ясные цели. Каждый почувствовал, что самая превосходная должность на земле — быть человеком, гражданином и хозяином своей страны.

На основании ленинского декрета о ликвидации безграмотности мне и другим юношам приходилось заниматься со взрослыми людьми, учить их читать и писать. Всюду создавались ликбезы, очаги просвещения и культуры. На базе коммерческого училища открылся Государственный университет. Пожалуй, именно с этого началась культурная революция в Азербайджане, где при царизме 90 процентов населения не знало грамоты. До революции здесь не было ни одного высшего учебного заведения. Ныне республика добилась сплошной грамотности, имеет 13 вузов и более сотни научно-исследовательских учреждений во главе с Академией наук.

А путь к высотам науки начинался с букваря, за который после революции прилежно взялись стар и млад. В 1920 году широкую известность получил выразительный плакат А. Радакова, на котором был изображен стоящий у пропасти человек с завязанными глазами. Подпись под рисунком гласила: «Неграмотный — тот же слепой. Всюду его ждут неудачи и несчастья».

В первые годы Советской власти активно распространялось и самое массовое из искусств — кино. Хроникальные и документальные фильмы, а также диапозитивы, именуемые туманными картинами, довольно часто покавывались людям бесплатно на площадях и улицах города. В Баку все больше открывалось кинотеатров, читален, красных уголков.

Прекрасное здание, принадлежавшее так называемому Благородному дворянскому собранию, было передано трудящимся. Здесь, в большом концертном зале, перед рабочими, красноармейцами и

краснофлотцами выступали бакинские артисты. Приезжали сюда на гастроли Ф. Шаляпин и многие другие знаменитости. На литературных вечерах мне не раз приходилось слушать выступления В. Маяковского и С. Есенина.

Интересные и разнообразные формы принимала в то время и атеистическая пропаганда. Сильное впечатление производили на молодежь антирелигиозные диспуты, на которых Анатолий Васильевич Луначарский вел яростный идеологический поединок с профессором теологии митрополитом Введенским. Как ни изощрялся в словоблудии духовный сановник, его неизменно побивал научно обоснованными доводами и большевистской правдой А. В. Луначарский.

Не менее сложно было вести борьбу с дикими обычаями и вредными обрядами магометан. Во время религиозного праздника «шахсей-вахсей» взвинченные неистовыми заклинаниями мулл люди в кровь разбивали себе спины железными цепями, пускали в ход кинжалы и совершали поистине бессмысленные поступки. Вполне понятно, что такой опасный и изуверский «праздник» был запрещен.

А как блюстители корана противились раскрепощению женщины! Подстрекаемые муллами и ослепленные яростью националисты избивали камнями и палками, травили собаками и даже убивали женщин, сбросивших чадру.

В двадцатых годах мне приходилось снимать комнату в доме пожилого азербайджанца, слепо следовавшего законам корана. И я воочию убедился, что закутанная с детских лет в чадру женщина живет на жалком положении темной, неграмотной и забитой рабыни, а существовавший в то время обычай многоженства еще более унижал ее достоинство. И одним из первых мероприятий большевистской партии и Советской власти было раскрепощение азербайджанки, в прошлом забитой и бесправной, опутанной религиозными предрассудками. Лозунг «Долой чадру!» открывал женщинам путь к свету, знаниям, приобщал их к общественной и политической жизни, помогая стать равноправными членами социалистического общества, активными строителями новой жизни.

В первые годы Советской власти говорили о трех фронтах всенародной борьбы: первый — отстаивать завоеванное с оружием в руках; второй — возводить заводы и обрабатывать пашни; третий — настойчиво заниматься просвещением масс. Ведь от царизма нам досталось тяжелое наследие — темнота, дикость и невежество.

Приведу один, может быть, незначительный, но довольно показательный пример. Если мне память не изменяет, в 1923 году я смастерил радиоприемник и решил показать его хозяину дома, его семейству и соседям. Включаю питание, слышатся легкое попискивание, треск и шорохи, а затем раздается отчетливый голос диктора: «Внимание! Говорит...» Впечатление было потрясающим. Хозяин дома в ужасе заткнул уши и с воплями и причитаниями «шайтан, шайтан» выбежал из комнаты. За ним поспешили и другие пожилые люди. Но молодежь все же преодолела первоначальный страх, не поддалась панике и продолжала слушать передачу.

Социалистическое искусство, поставленное на службу народу, помогало трудящимся бороться с пережитками прошлого, а затем и уничтожать буржуазную плесень, появившуюся в период нэпа. Одно за другим закрывались низкопробные казино с шансонетками, запрещены были игорные дома, собачьи и петушиные бои, проводившиеся в обстановке нездорового ажиотажа.

При содействии общественности наши славные чекисты и милиция решительно уничтожали подпольные притоны, кабаки и опиокурильни, вылавливали контрабандистов, доставляющих из-за кордона кокаин и гашиш. С наркоманией — этим зловещим наследием старого мира — повела эффективную борьбу и советская медицина.

В двадцатых годах стала выходить газета «Бакинский рабочий», а затем и орган нефтяников — «Вышка». На русском, азербайджанском и армянском языках выпускалась политическая и художественная литература, массовыми тиражами издавались произведения классиков.

Я поступил на постоянную работу в издательство «Бакинский рабочий», занимался подпиской, отправкой, а подчас и доставкой газеты непосредственно на нефтепромыслы и предприятия. Нефтяники полюбили ее, остро реагировали на критические

выступления, чутко прислушивались к советам и рекомендациям. Газета просто и доходчиво каждодневно разговаривала с массами, разъясняя политику большевистской партии, громя оппортунистов и уклонистов, отстаивая великие ленинские идеи, выполняя почетную и благородную роль коллективного пропагандиста, агитатора и организатора.

Деятельность «Бакинского рабочего» умело направлял Сергей Миронович Киров. Он нередко заглядывал в редакцию и издательство, с глубоким знанием журналистского и типографского дела вел разговоры с сотрудниками.

В двадцатых годах «Бакинский рабочий» редактировал П. И. Чагин, а издательство возглавлял В. Л. Фришберг. Петр Иванович Чагин был не только многоопытным редактором и талантливым журналистом, но и тонким ценителем литературы, особенно поэзии. Он сердечно встречал местных и московских писателей, умел зажечь их интересной и большой темой, привлечь к участию в газете.

Сергей Есенин, которого мы не раз видели у себя в редакции, к циклу стихотворений «Персидские мотивы» сделал, например, такое посвящение: «С любовью и дружбой — Петру Ивановичу Чагину».

В творчестве С. Есенина бакинский период отмечается как наиболее плодотворный и политически целенаправленный. Поэт встречался с С. М. Кировым и М. В. Фрунзе, читал им свои произведения, беседовал о литературных задачах, получал от них добрые советы и пожелания.

Впервые поэма Сергея Есенина «Анна Снегина» была полностью опубликована в «Бакинском рабочем» 1 и 3 мая 1923 года, а его знаменитая «Баллада о двадцати шести» появилась в нашей газете 22 сентября 1924 года. Сборник стихотворений «Русь советская» также впервые был выпущен в Баку в 1925 году.

Это, разумеется, лишь отдельные факты из огромной и многогранной деятельности коллектива редакции и издательства газеты «Бакинский рабочий», занимавшегося политическим и культурным воспитанием масс, освещавшего самые различные стороны советской действительности и кипучие трудовые будни социалистического строительства. Я очень благодарен славному коллективу этой [19]

старейшей газеты, который помог моему становлению, идейному и культурному росту.

В 1923 году меня выдвинули на должность заведующего балаханским районным отделением издательства «Бакинский рабочий». Несколько лет я занимался распространением в массах газет, журналов и подписных изданий.

Тогда я был молод, энергичен и вместе со сверстниками много занимался спортом. Инициативу нашу поддерживали и возможность проявлять ее предоставляли, но и не баловали физкультурников. В первые годы Советской власти у социалистического государства денег было мало, приходилось экономить на всем. Заводы не опекали спортсменов, средств не выделяли, да и специальных тренеров не было. Спортинвентаря не хватало, форму мы шили сами, а вместо бутсов надевали обыкновенные солдатские ботинки.

Влюбленные в спорт юноши бескорыстно и самозабвенно играли в футбол не на специальном стадионе с травяным покровом, а на пыльной и каменистой Петровской площади, на месте которой ныне возвышается прекрасное здание правительства АзССР. Здесь проводились и ответственные состязания, междугородные матчи.

Увлекались мы также и плаванием. А баскетбольная команда встречалась со сборными Грузии и Армении и со спортсменами Ростова-на-Дону.

В юные годы мы, разумеется, не были образцово-показательными. Да и внешний вид наш никто не мог назвать респектабельным. Но, дорогой читатель, не суди нас особо строго. Время было нелегкое и юность суровая. И вот теперь, собираясь вместе, мы, старые друзья-бакинцы, ныне генералы, инженеры, ученые, врачи, не сетуем на то далекое, боевое, легендарное время, а гордимся, что были современниками, очевидцами и даже участниками гражданской войны и становления Советской власти в Азербайджане.

А память о Баку, который покинул в конце двадцатых годов, я пронес через всю жизнь. Прошло несколько десятков лет, и уже в наши дни снова встретился с прекрасным городом своей юности.

Но где эта улица, где этот дом?.. Все знакомо и незнакомо, все перестроено, улучшено, благоустроено. Неузнаваемо изменился город. Куда девались прокопченные лачуги из ракушечника и неотесанных камней, в которых до революции ютились бедняки, куда девались мрачные казармы для рабочих-нефтяников! Мы жили тогда в полуподвальных помещениях, делали уроки при свете коптилок и ламп, обогревались керосинками, пили опресненную, насквозь пропахшую керосином воду. А теперь все бакинцы живут в благоустроенных домах со всеми удобствами.

Новые улицы, даже районы. Прекрасен Приморский бульвар с зоной отдыха и венецианскими каналами. Там, где некогда был заброшенный пустырь, теперь раскинулся замечательный парк имени С. М. Кирова. Красивы набережные, скверы, архитектурные ансамбли.

Новое неумолимо наступает, сметая старое, отжившее. Восточная экзотика... Долго бродил я с «подругой дней моих суровых», женой Зоей Ивановной, по знакомым нам с детства улицам, но ничего экзотического мы так и не встретили.

Прощаясь с любимым городом Баку, который М. И. Калинин образно назвал орлиным гнездом революции, мы, взволнованные, вышли на главную площадь, к братской могиле 26 комиссаров, считая непременным долгом своим почтить светлую память героев Бакинской коммуны.

Большинство из них я видел живыми и не раз во время гражданской войны слушал их яркие речи. Вместе с трудящимися города мне довелось провожать легендарных комиссаров в последний скорбный путь. Под звуки траурного марша и пение революционной песня «Вы жертвою пали в борьбе роковой» доставленные из красноводских песков останки расстрелянных английскими интервентами 26 бакинских комиссаров были погребены на этой главной площади города.

Сейчас здесь воздвигнут величественный мемориальный ансамбль, созданный скульпторами И. Зейналовым и Н. Мамедовым, архитекторами Г. Алескеровым и А. Гусейновым.

Сильное впечатление производит скульптура скорбно склонившегося рабочего. В его мускулистых руках — факел с Вечным огнем над

братской могилой 26 бакинских комиссаров, отдавших жизнь за власть Советов, за великое дело партии Ленина, за счастье миллионов.

На мраморной стене, завершающей мемориал, — барельефы большевистских руководителей Бакинской коммуны С. Шаумяна, М. Азизбекова, П. Джапаридзе, И. Фиолетова.

В строгом молчании застыл воинский караул, звучит мелодия композитора Кара-Караева, выражающая скорбь, величие подвига и несокрушимую революционную силу народа-борца, героя, созидателя.

Путевка в небо

Полет одного из первых авиаторов России еще в 1913 году навеял мне крылатые мечты. В Баку желание стать летчиком еще более упрочилось. Юношеская спортивная школа, в которой я учился, а затем был инструктором, находилась неподалеку от школы морских пилотов, созданной во время первой мировой войны. Мы постоянно наблюдали за полетами гидроаэропланов, часто общались с летным и техническим составом. Среди них были и революционно настроенные люди.

У нас в доме не раз бывал летчик Н. Романов. Его смелостью восхищались все. Когда я слушал его или о нем, мне хотелось быть таким же, как он. Особенно проявил себя Николай в дни Бакинской коммуны и обороны города.

После оккупации Баку англичанами Романов перелетел в Астрахань. Но и оттуда, как мне потом рассказывали, он, вместе с другими отважными летчиками, наведывался в наши края. Николай сажал свой гидросамолет под самым носом оккупантов. Подпольщики на парусных лодках тайком подвозили к краснозвездным гидросамолетам бензин, который пилоты затем доставляли в авиачасти 11-й армии.

...Став энтузиастом авиации, я сразу же вступил в Общество друзей Воздушного Флота (ОДВФ), организованное в 1923 году. Состоял и в добровольном обществе «Закавиа», объединявшем трудящихся Закавказья. Оно было равнозначно всероссийскому «Добролету».

Развернувшаяся индустриализация страны возвестила начало расцвета советской авиации. Повсюду звучал призыв: «Трудовой народ — строй Воздушный Флот!»

Создавалась отечественная самолето- и моторостроительная промышленность, крепли крылья Отчизны. Стране нужны были авиационные кадры.

Меня вызвали в районный комитет комсомола и сообщили, что получена разнарядка направить нескольких курсантов во 2-ю объединенную школу летчиков и авиатехников, находившуюся в городе Вольске. Согласен ли я поехать туда? Конечно же, ведь это моя давняя мечта!

Авиация — удел молодых, и верный помощник партии — ленинский комсомол, постоянно заботившийся об укомплектовании авиачастей и учебных заведений молодыми кадрами, в 1931 году принял шефство над Военно-Воздушными Силами Красной Армии.

Я очень хотел поступить в авиационную школу. Но, как известно, одного желания мало. Прежде всего нужно было пройти медицинскую комиссию. А здоровье требовалось отменное. Сейчас с такой строгостью, наверное, только в космонавты отбирают. Но вот все опасения позади. Меня признали годным. Благополучно пройдена и проверка общеобразовательной подготовки. Секретарь приемной комиссии Ф. Мошечков вручил мне путевку. Вместе со мной в Вольск направлялись еще несколько человек, в том числе комсомольцы А. Барханов и Р. Насыров. Возглавлял нашу группу В. Уткин.

После большого и шумного Баку Вольск немного разочаровал меня.

http://militera.lib.ru/memo/russian/shepelev/01.html